

Виктор Ерёмин

О Марусе Климовой

**и другие истории
из мира интриг
и интриганов**

Выпуск

3

Истории из мира интриг и интриганов

Виктор Еремин

**О Марусе Климовой и
другие истории из мира
интриг и интриганов**

«Остеон-Групп»

2017

Еремин В. Н.

О Марусе Климовой и другие истории из мира интриг и интриганов / В. Н. Еремин — «Остеон-Групп» , 2017 — (Истории из мира интриг и интриганов)

ISBN 978-5-85689-160-6

Представляем читателю третий выпуск книги из серии «Истории из мира интриг и интриганов», которая введет вас в самые волнующие подробности наиболее знаменитых интриг прошлого – от древности до наших дней.

ISBN 978-5-85689-160-6

© Еремин В. Н., 2017
© «Остеон-Групп» , 2017

Содержание

Глава 1. Тайна хранителей фараоновых ногтей	5
Глава 2. Цицерон и Катилина	14
Глава 3. Интриги святой Феодоры	20
Глава 4. Месть короля Педро	26
Глава 5. О добром Зосиме замолвите слово	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Ерёмин

О Марусе Климовой и другие истории из мира интриг и интриганов

Глава 1. Тайна хранителей фараоновых ногтей

Пирамиды Гизы. Современный аэроснимок

Величественны грандиозные пирамиды на плато Гизы. Не менее величественны в памяти народов фараоны IV династии¹ из Древнего царства – Хеопс² (Хуфу), Хефрен (Хаф-Ра) и Микерин (Менкау-Ра).

Происхождение основателя династии фараона Снофру не известно. Версий много, но главное здесь то, что Снофру женился на Хетепхерис – дочери последнего фараона III династии Хуни, да и второстепенные жёны его тоже были из смуглых африканок, однако всё его потомство оказалось белокожим и светловолосым. Фараонов IV династии так и называют – Белые фараоны. А ещё IV династия более всех прочих фараонов Древнего Египта была связана с магами, правда, таковыми были практически все жрецы.

Старший сын и наследник Снофру – Хеопс совершил великий религиозный переворот в Египте.

До Хеопса главным богом египтян был создавший самого себя бог первотворения Атум. Наследием Атума в египетском государстве остались: двойная корона фараона – сим-

¹ Династия правила примерно в 2639–2506 гг. до н. э.

² Хеопс – древнегреческое написание древнеегипетского имени Хуфу. Соответственно в скобках даны древнеегипетские имена фараонов. В тексте в зависимости от смысла будут использоваться оба варианта имён.

вол владения Верхним и Нижним Египтом; священное животное – кобра; жук скарабей – как символ саморождения из земли.

Хеопс возвеличил нового верховного бога – бога солнца Ра. Культ этот сложился в городе Гелиополе – столице бога Атума. Жрецы, прислуживавшие Ра, оказались сильнее жрецов бога Атума. Ещё до возвеличивания бога Ра они уже прослыли могущественнейшими колдунами – знатоками тайн смертельных ядов. Кто из жрецов оказался коварнее, тот и победил. Виновником же всего случившегося навечно остался фараон Хеопс.

Видимо, новый культ объясняет причину возведения фараонами IV династии Великих, по другому – Солнечных пирамид. Однако тогда же, в правление IV династии, жрецы бога Ра впервые вступили в противостояние с фараонами за власть в Египте. Возможно, эта борьба привела к тому, что в царствование внука Хеопса – Микерина силы Древнего Египта оказались столь основательно подорванными, что фараонам пришлось навсегда отказаться от строительства великих пирамид и перейти к малым пирамидам или к обустройству мастаб – гробниц в форме усеченной пирамиды-саркофага с подземной погребальной камерой. В любом случае, если верить древнегреческим историкам, в первую очередь Геродоту, при тираническом Хеопсе вся страна только тем и занималась, что строила фараону гробницу.

Науке известны имена девяти сыновей Хеопса из которых нас интересуют трое – Ка#аб (Каваба) (принц-наследник), Джедеф-Ра (старший и первый преемник престола), Хаф-Ра (второй преемник трона). По сложившейся у египтологов традиции считается, что Ка#аб и Хафра – единокровные братья, сыновья царицы-египтянки и более законные преемники престола, чем сын жены второго порядка, ливийки по происхождению – Джедефра. В силу такого различия якобы после смерти Хеопса развернулась бескровная борьба между фараонами двух соперничавших линий наследования – законной египетской и незаконной ливийской. То на престол всходил потомок Джедефра, то – потомок Хафра. Но есть и иная точка зрения, согласно которой в действительности шло далеко не мирное противостояние фараонов и жрецов бога Ра.

Если верить исследователям, Джедефра, ещё будучи принцем, задумал избавиться от старшего сводного брата и конкурента на престол Ка#аба. А возможно, что не лояльный к жрецам Ра Ка#аб сам спровоцировал заговор. Как бы там ни было, но принц-наследник был отравлен ещё при жизни отца, причём Хеопс догадывался о преступлении Джедефра и жрецов, но не наказал их. Или не успел наказать...

С Джедефра вообще связаны важнейшие тайны Великих пирамид и жрецов бога Ра. Ещё в 1840-х гг. в 8 км на северо-западе от пирамид Гизы у деревеньки Абу-Роаш (Абу-Роваш) энтузиасты обнаружили развалины четырёх пирамид. Почти два века не доходили у исследователей руки до изучения руин. Ведь особого интереса они не представляли, поднимаясь над землёй самое большее на 10 м. Археологи полагали их недостроенными. Одна из этих пирамид принадлежала Джедефра. Правда, в полном списке пирамид Древнего Египта именно пирамиды Абу-Роаша всегда шли первыми, поскольку находятся севернее прочих.

В начале XXI в. археологическая экспедиция Высшего совета по древностям АРЕ сделала ошеломляющее открытие. По словам Генерального секретаря Высшего совета по древностям АРЕ в 2002–2009 гг., а до того многолетнего старшего инспектора и директора плато Гизы уважаемого египтолога Захи Хавасса пирамида Джедефра в Абу-Роаше в древности была самым огромным строением Египта. Её намеренно возвели в стороне от Великих пирамид, на плато, возвышающемся на 100 м над Гизой и Саккарой³. С её верхотуры все прочие пирамиды, мастабы и гробницы фараонов и членов их семей были видны как на ладони. В

³ Саккара – древнейший египетский некрополь, расположенный в 30 км к югу от Каира, близ Мемфиса. Там находятся мастабы фараонов I и II династий, захоронения членов их семей, ступенчатая пирамида фараона III династии Джосера, мастаба последнего фараона IV династии Шепсескафа и одиннадцать пирамид фараонов VI династии.

самой же Гизе по приказу фараона Джедефра был сооружён прославленный Сфинкс с ликом Хеопса, устремивший свой взор на далёкую пирамиду Джедефры. У пирамиды этого фараона были более крутые стены, чем у прочих (за исключением пирамиды Хефрена). В отличие от пирамид Гизы пирамида Джедефра была облицована красным (розовым) гранитом, по цвету она как бы приближалась к цвету восходящего на заре Солнца. Предполагают, что вершина пирамиды была выложена золотыми плитами с вделанными в них драгоценными камнями. Символически эта пирамида должна была означать новую религиозную концепцию Джедефра – действующий фараон является воплощением солнечного божества Ра на земле, т. е. сам фараон, будучи живым человеком, одновременно является богом. По этой причине фараон Джедеф-Ра впервые в истории Древнего Египта взял себе теофорное имя, т. е. имя, в состав которого включено имя бога или божественный эпитет. Пример Джедефра оказался заразительным, и многие фараоны в дальнейшем пошли по его стопам.

Другими словами, получив от отца власть, сын иноземки Джедефра постарался выделиться из собственной семьи и вообще возвыситься над всем человечеством, стать недостижимым как для предков, так и для потомков.

Пирамида фараона Джедефра. Современный вид

Отсюда следует довольно убедительная версия, будто фараон Джедефра правил менее десяти лет и погиб в результате заговора жрецов бога Ра. Вряд ли речь может идти об открытой физической расправе. Скорее всего, он был отравлен, поскольку следом на престол возшел сын Джедефра – Ба-Ка (Неба-Ка). Зато этому фараону довелось сидеть на троне не более года. Он едва успел заложить себе пирамиду, как был свергнут собственным дядей, очередным сыном Хеопса, и пропал из истории – явно был убит. Археологические исследования доказали, что сразу же после переворота заговорщики разрушили скульптурные изображения Джедефра и его сына, стёрли их имена со всех найденных надписей. Т. е. оба фараона подверглись *damnatio memoriae* – «проклятию памяти». И если сведения о Джедефра малыми долями найдены исследователями и складываются в цельную картину, то само существование Ба-Ка всё ещё остаётся под вопросом. Более четырёх тысяч лет, начав чуть ли не в год гибели наследника Джедефра, египтяне разбирали на строительные материалы пирамиды Абу-Роаша (во времена римского владычества там вообще находилась каменоломня), но так и не смогли полностью уничтожить эти грандиозные сооружения – сегодня от пирамид Абу-Роаша остались преимущественно подвальные помещения и небольшие кладки стен.

Об этих событиях с известной долей художественной фантазии рассказал в первой части романа «На краю Ойкумены» великий русский писатель Иван Антонович Ефремов.

Итак, на престол взошёл сын Хеопса и египетской царевны Хефрен (Хаф-Ра). Первым делом он приступил к строительству собственной пирамиды – с такими же крутыми стенами, как у пирамиды Джедефра, но на возвышении в долине Гизы, рядом с пирамидой Хеопса.

В исторических писаниях древних греков фараоны Хеопс и Хефрен представлены как жестокие изверги, принудившие всех взрослых мужчин Древнего Египта – более 300 тыс. человек – трудиться, изнемогая, на строительстве пирамид. Узнать об этом древние греки могли только от египетских жрецов.

У Хефрена имелось около десяти сыновей, но лишь старший из них по возрасту стал фараоном – Микерин (Менкау-Ра). Контраст между тем, как характеризуются греками его предшественники и как восхваляется Микерин, разительный: он и мудрый, он и добрый, он и щедрый. Одним словом, жрецы постарались и представили миру своего протеже в самом благостном свете. При этом сохранились неопровержимые свидетельства тому, что Микерин был горьким пьяницей и бездельником, поскольку власть в стране отдал на откуп жрецам. И это не удивительно: фараоном Микерин стал в преклонном возрасте, причём ранее никак не предполагал так возвыситься. Даже пирамиду для него строили небольшую, как для обречённого умереть царевичем, но после восшествия Микерина на престол её срочно расширили до ныне известных нам пределов. А поскольку всё равно получалась сравнительно небольшая пирамида, её облицевали красным гранитом, чтобы было как у Джедефра. Вообще бросается в глаза, что ближайшие преемники всеми силами подражали убиенному Джедефра.

Микерин правил примерно десять лет. У него родился единственный сын Хуэн-Ра, который умер при жизни отца и был похоронен в маленькой пирамиде рядом с пирамидой Микерина. Сам фараон умер неожиданно. Ряд историков полагают, что в стране началась смута, и вполне возможно, что смерть Микерина была насильственной и застала жрецов бога Ра врасплох.

О следующем фараоне IV династии Шепсескафе известно очень мало. Главные сомнения сводятся к тому, что невозможно доказать из какой он линии – египетской или ливийской. Одни египтологи утверждают, что Шепсескаф – старший сын фараона Микерина. Другие, на основании того, что не найдено ни одной надписи, где бы говорилось о его родстве с Микерином, утверждают, что Шепсескаф вёл свою родословную от Джедефра. Впрочем, и это не подтверждено ни одной надписью.

Фараон Шепсескаф знаменит тем, что отказался от строительства пирамиды и возвёл себе огромную мастабу в Саккаре.

Строительство мастабы рассматривается историками как бунт против бога Ра и его жрецов. В имени нового фараона Ра тоже не упоминается. Невольно складывается впечатление, что если Микерин был убит, то это означает начало открытого противостояния союза фараонов и жрецов других культов против жречества бога Ра. Выразилось оно в том, что Шепсескаф открыто отдал предпочтение хэму-ка – жрецам заупокойного культа, которые во все времена были равны по силе жрецам бога Ра. Обратился фараон за поддержкой и к жрецам культов прочих богов. В частности, к жрецам бога Птаха – Творца. Шепсескаф даже выдал свою дочь Ха-Маат замуж за верховного жреца бога Птаха – Шепсес-Птаха I. Ничто не помогло еретику, как называют Шепсескафа египтологи: он правил от силы семь лет (а скорее всего четыре года) и в выстроенной по его воле мастабе погребён не был. О его семействе тоже никаких сведений не сохранилось. Что случилось с самим фараоном – не известно. Он просто исчез из истории.

Ещё хуже обстоят дела с фантомным наследником Шепсескафа – неким Джедефтахом. Как видим, его имя соединяет в себе имя мятежного фараона Джедефры и присоединённого вместо имени бога Ра имени бога Птаха. В списке Манефона⁴ он назван как последний фараон IV династии. Более это имя нигде не упоминается.

Предполагают, что Джедефтах подвергся *damnatio memoriae*. Причин тому египтологи выдвигают несколько. К основным относятся:

- он является безродным узурпатором власти и не имел кровных прав на престол, почему был свергнут и вычеркнут из списка фараонов, а память о нём была повсеместно уничтожена;

- он в течение девяти лет активно боролся против жрецов бога Ра, но проиграл и подвергся процедуре забвения;

- после кончины или гибели Шепсескафа фараоном объявила себя жена усопшего царица Хенткау; она несколько лет боролась против жрецов бога Ра, пока не была разоблачена как женщина на престоле и вычеркнута из списка египетских владык;

- компромиссный вариант: царица Хенткау стала регентшей при малолетнем фараоне Джедефтахе; мать и сын были свергнуты жрецами бога Ра за враждебные поползновения против слуг солнечного бога, их умертвили и вычеркнули из истории Древнего Египта.

Видимо, сразу после смерти Шепсескафа в стране с новой силой вспыхнула смута, в которой противостояли жрецы бога Ра и жрецы прочих культов во главе с жрецами бога Птаха и хэму-ка. Победили жрецы бога Ра. При их поддержке очередным фараоном стал основатель V династии Усеркафа. Сам он был старшим сыном тетки Шепсескафа и родной дочери фараона Джедефры – Неферхетепес и верховного жреца бога Ра в Гелиополе Тхамптахиса. Женился Усеркафа на дочери фараона Микерина и родной сестре фараона Шепсескафа царевне Хенткау I. Так что законность перехода власти к новой династии была соблюдена с ювелирной точностью. На деле же власть над Египтом окончательно перешла в руки жрецов бога Ра. С фараонами-смутьянами было покончено.

В египтологии широко известна сказка или легенда «Хуфу и чародеи». Она обосновывает правомерность перехода власти от IV династии (потомков Хеопса) к V династии (Усеркафа и его потомков). Там же показано резкое возрастание мощи магов – жречества бога Ра.

V-ая династия фараонов заняла престол ок. 2504/2454 г. до н. э. и царствовала примерно 157 лет, дав истории девять фараонов.

Первые три фараона династии царствовали довольно долго и мирно. Если говорить точнее, то правили страной жрецы бога Ра, а властители лишь соблюдали ежедневные светские ритуалы, положенные фараонам.

Зато их сыновья – двоюродные братья – возжелали неограниченной власти. Правда, каждый стал опираться на собственную жреческую группу. Так развернулась тайная дворцовая борьба. За пределы дворца эта свара не вышла, но четвёртый фараон по имени Шепсескара Иси и пятый фараон по имени Неферефра царствовали очень короткий срок. Для Шепсескара едва успели расчистить место под строительство гробницы (один-два месяца работы), как властелин покинул грешный мир. Скорее всего, оба фараона были отравлены, причём не без помощи жрецов бога Ра.

Шестой фараон V династии Менкаухор Икау стал последним в семье приверженцем жрецов бога Ра. Он построил храм «Горизонт Ра», но его собственная пирамида (или хотя бы мастаба) не найдена по сей день. А больше об этом фараоне ничего не известно.

⁴ Манефон (к. IV – н. III вв. до н. э.) – древнеегипетский историк, автор «Истории Египта», в которой постарался указать имена всех фараонов в хронологическом порядке.

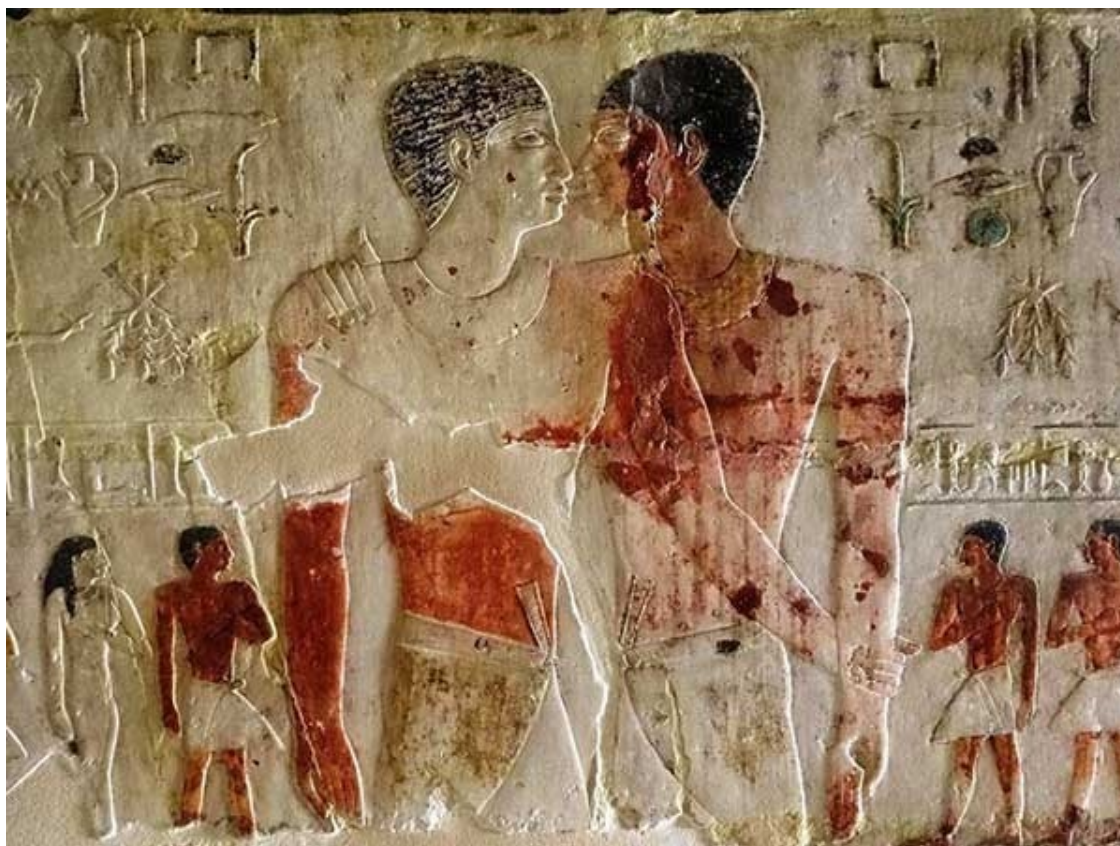

Двойная статуя фараона Ниусерра Ини

Нет ничего удивительного в том, что младший брат Неферефры и седьмой фараон V династии по имени Ниусерра Ини особое внимание уделил своей личной охране. Ведь он наверняка знал судьбу египетских фараонов начиная с Хеопса и к чему привело их неумение защитить себя от внутренних врагов. Так при Ниусерре Ини впервые сложилась тайная служба безопасности, которую мы называем мастерами маникюра и педикюра. На фресках гробниц начальники этой службы представлены как старательные обработчики ногтей фараона и членов его семьи.

Первыми хранителями фараоновых ногтей предположительно стали вельможи Нианххнум и Хнумхотеп. Изначально оба были простоллюдинами, выслужившимися в чиновники. Видимо, за какие-то особые заслуги фараон проникся к ним доверием и повелел назначить обоих надзирателями за мастерами маникюра и педикюра при его семье. Таким образом, Нианххнум и Хнумхотеп были допущены к телу фараона. Однако таких допущенных в Древнем Египте всегда имелось достаточно. Потому избранных Нианххнума и Хнумхотепа по воле фараона провозгласили жрецами и пророками верховного бога Ра в Солнечном храме фараона Ниусерры Ини. Возведение этого храма было завершено в последней трети времени правления фараона. Таким образом, Нианххнум и Хнумхотеп являлись жрецами минимум десять лет, а охраняли царскую семью почти тридцати лет. В награду оба вельможных жреца стали богатейшими людьми Египта тех времён и были удостоены высочайшей чести – им позволили возвести себе гробницы в Саккаре, рядом с пирамидой фараона Джосера! По собственному решению или по воле фараона, но построили они одну общую гробницу, из фресок которой и узнали египтологи историю древних мастеров маникюрно-педикюрного дела.

Отчего такой чести удостоились эти парикмахеры (единственные из известных за всю историю Древнего Египта)? Всё становится понятным, если мы вспомним, что ногти являются ценнейшим препаратом в магических ритуалах подчинения человека воле мага или при наведении на человека порчи. Гораздо более ценным и менее доступным препаратом, чем волосы. Государства Ближнего Востока в древности были магическим центром ойкумены, и магов (включая жрецов бога Ра), готовых поколдовать над ногтями властителей Египта, там было более чем достаточно. А потому хранители фараоновых ногтей де факто являлись центральной структурой противомагической охраны Древнего Египта – службы, прежде всего призванной противостоять заговорам жрецов всех культов. Благодаря такой разумной осторожности фараон Ниусерра Ини царствовал более тридцати лет.

Нианххнум и Хнумхотеп. Фреска из их гробницы

Видимо, хранители фараоновых ногтей сильно насолили всем жрецам-магам. Примерно через пятьдесят лет после захоронения Нианххнума (Хнумхотеп умер раньше) гробницу закопали и проложили поверх неё церемониальную дорогу к пирамиде фараона Униса. Более того, с гробницы частично сняли облицовочные камни и использовали их при строительстве дороги. Приходится признать, что это единственная известная науке гробница Саккары, закопанная ещё в глубокой древности. За что так надругались над останками уважаемых придворных, удостоенных чести быть похороненными рядом с фараонами – тайна. Впрочем, этот акт вандализма против руководителей древнеегипетского «ФСБ» сослужил для них положительную роль. О гробнице быстро забыли, и она дошла до нас в самом что ни на есть сохранном виде.

Её обнаружил в 1964 г. египетский археолог Ахмед Мусса. Он возглавлял раскопки на территории северной части Саккары. Учёный занимался припирамидным комплексом фараона Униса. Вдоль процессионной дороги к его пирамиде было обнаружено несколько гробниц, а одна гробница оказалась прямо под процессионной дорогой. Это и была гробница Нианххнума и Хнумхотепа

Обнаружившие её археологи были поражены красотой помещений, особенно настенными росписями. На основании того, что изображений Нианххнума количественно больше, были сделаны выводы, что он старше по возрасту и изначально являлся главой службы хранителей ногтей. Однако первым умер Хнумхотеп, и Нианххнуму довелось хоронить своего молодого соратника.

На древнеегипетских фресках не принято было запечатлевать мужчин обнимающимися или держащимися за руки. Однако на стенах этой гробницы её хозяева изображены тем или иным образом прижимающимися друг к другу. Более того, на одной из фресок Нианххнум и Хнумхотеп, обнимаясь, соприкасаются носами, что в Древнем Египте подразуме-

вало страстный поцелуй. По сей причине ряд исследователей склонны видеть в хранителях фараоновых ногтей первую в мировой истории официально установленную гомосексуальную пару.

Справедливость восторжествовала только к концу XX столетия – гробница Нианххнума и Хнумхотепа полностью восстановлена и обихожена. Археологи даже разыскали её вмонтированные в церемониальную дорогу Униса детали и вернули их на первоначальное место. Сегодня гробница хранителей фараоновых ногтей стала весьма популярным местом паломничества многочисленных любителей древнеегипетской старины и особенно туристов-гомосексуалистов. Последние спешат отдать дань уважения первым открытым геям человечества.

Гробница Нианххнума и Хнумхотепа. Современный вид

Глава 2. Цицерон и Катилина

Марк Туллий Цицерон. Бюст I в. до н. э.

Государства умирают сравнительно долго. Иногда агония затягивается на столетия, и граждане даже не подозревают, что живут в безнадежно больном обществе, спасения которому нет.

Римская республика издыхала – по другому и не скажешь – более ста лет. Миазмы прижизненного гниения этого государственного механизма отравляли всю ойкумену, превращая Рим в рассадник разврата и неодолимой алчности. Взяточничество высших сановников, насмешки и надругательство над любым напоминанием о патриотизме (особенно в молодёжной аристократической среде), столичное чванство, бесконечная демагогия на святыне в далёком прошлом темы, глумление над памятью героических предков, недееспособность государственных механизмов, изъеденных коррупцией до состояния распада – масштабы всего этого потрясают даже нас, людей XXI века, но римскому обывателю в те времена даже в голову не могло прийти, что именно так подспудно готовилось основание для грядущих диктатур и устройства империи.

Первым из полководцев двинул свои легионы на Рим мудрый Сулла. Случилось это в 87 г. до н. э. Тогда же он провёл первые проскрипции – истребил своих политических противников по специально подготовленным спискам. Следом за тем, как Сулла убыл на

войну с Митридатом, Рим захватил в 86 г. до н. э. враждебный ему Гай Марий, который провёл ещё более обширные проскрипции сторонников Суллы.

В 82 г. до н. э. запуганный Суллой сенат провозгласил его пожизненным диктатором, все решения которого заранее объявлялись законными.

Одним из активных помощников Суллы тогда был молодой обедневший аристократ Луций Сергей Катилина (ок. 108 – 62 гг. до н. э.). Гай Саллюстий Крисп охарактеризовал его так: «отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом. С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования. Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. Его неуёмный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному».

После кончины Суллы Катилина воспыал жаждой любыми путями занять место диктатора и воцариться в Риме. В помощь себе он призвал два страшнейших порока, покрывших к тому времени Рим – роскошь и алчность. Другими словами, «любой развратник, прелюбодей, завсегдатай харчевен, который игрой в кости, кревоугодием, распутством растратил отцовское имущество и погряз в долгах, дабы откупиться от позора или от суда, кроме того, все паррициды⁵ любого происхождения, святотатцы, все осуждённые по суду или опасющиеся суда за свои деяния, как и те, кого кормили руки и язык лжесвидетельствами или убийствами граждан, наконец, все те, кому позор, нищета, дурная совесть не давали покоя, были близкими Катилине и своими людьми для него».

⁵ Паррицид (др. – римск.) – отцеубийца.

Клятва Катилины. Художник Жозеф-Мари Вьен. Участники заговора Катилины клялись в верности на чаше с человеческой кровью

«Но более всего Катилина старался завязывать дружеские связи с молодыми людьми; их, ещё податливых и нестойких, легко было опутать коварством. Ибо в соответствии с наклонностями каждого, в зависимости от его возраста Катилина одному предоставлял развратных женщин и юношей, другому покупал собак и лошадей, словом, не жалел денег и не знал меры, только бы сделать их обязанными и преданными ему». Как видим, Катилина уже в те времена использовал старинные приёмы демократического мироустройства, которые по сути своей остались неизменными до наших дней.

О самом Катилине тогда ходили слухи, что ради женитьбы на некой Аврелии Орестилле, не желавшей иметь пасынка, он убил собственного сына. Якобы именно опасение, что убийство будет раскрыто, толкнуло негодея на спешную подготовку государственного переворота.

В таком важном деле на молодежь положиться было невозможно. Однако Катилина был популярен среди ветеранов Суллы, которые после смерти диктатора потеряли средства к существованию и были не прочь поучаствовать в новой гражданской войне. Благо как раз в это время Гней Помпей увёл из Италии всю армию на войну с Митридатом.

Вначале Катилина вознамерился через выборы заполучить консульскую власть, а уже тогда действовать согласно обстоятельствам. Многие сенаторы и знатные люди поддерживали его. Поговаривали, что среди них был и победитель Спартака, самый богатый человек республики – Марк Лициний Красс, который рассчитывал в случае успеха заговора без труда перехватить власть из рук Катилины.

Как назло, незадолго до выборов политические конкуренты уличили Катилину в получении крупной взятки, в связи с чем он по закону потерял право быть избранным в консулы. Тогда Катилина пошел ва-банк: стал готовить убийство обоих консулов и многих сенаторов, чтобы затем захватить власть. Сторонников заговора становилось все больше и больше, чему способствовали наглость и жадность сенаторов.

Однако случилось так, что один из самых усердных участников заговора по имени Квинт Курий проговорился о затевавшемся перевороте своей любовнице Фульвии, а та не стала молчать и побежала сплетничать о заговоре по всему Риму. Вскоре слухи о готовящемся преступлении дошли до Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), великого оратора, конкурента Катилины на выборах и консула 63 г. до н. э. Он быстро взял Фульвию в оборот, и женщина согласилась постоянно доносить Цицерону о Катилине и его сообщниках.

И вот для переворота всё было готово. Прежде всего Катилина велел убить Цицерона, поскольку видел в нём единственную помеху заговору. Два знатных участника вызвались явиться к Цицерону на утренний приём и заколоть его кинжалами. Об этом сразу же стало известно Фульфии, и женщина поспешила предупредить консула. Преступление не состоялось – убийц просто не впустили в дом возможной жертвы.

В тот же день Цицерон доложил сенату о готовящемся перевороте. Одновременно пришли известия, что заговорщики уже взбунтовали войска в провинции. Официальные власти стали срочно приводить Рим в боевую готовность.

Цицерон разоблачает Катилину. Художник Чезаре Маккари

Чтобы ослабить напряжение и оградить заговор от окончательного разоблачения в сенат явился Катилина. Возмущённый такой наглостью Цицерон произнёс перед сенаторами речь против Катилины. Всего было четыре речи консула на эту тему. Позднее их опубликовали, и с того времени они считаются шедевром ораторского мастерства. Во всех учебных заведениях, где преподаётся латынь, даже в наши дни, заучивают наизусть отрывки оттуда как образцы совершенства латинского языка и искусства ораторского слова. Вот знаменитейший фрагмент из первой речи: «О времена, о нравы! Сенат отлично всё знает, консул

видит, а он всё ещё жив! Жив? Мало того, он является в сенат, желает быть участником в обсуждении государственных дел; он взором своим намечает и предназначает к смерти из нас то одного, то другого. А мы – подумаешь, храбрые люди! – воображаем, что всё делаем для спасения государства, если стараемся уклониться от безумных его выходок, от его покушений! На смерть тебя, Катилина, давно уже нужно отправить приказом консула, на твою голову обратить эту гибель, которую ты замышляешь против нас». Людям нравится повторять слова из этой речи Цицерона: «O tempora! O mores!»

В ответ на выпад консула Катилина заявил, что Цицерон клеветает, а он невинен перед людьми и богами, однако той же ночью бежал к взбунтовавшимся войскам. Самое поразительное во всей этой истории то, что подавляющее большинство бедняков поддержало Катилину в его противостоянии с сенатом. Саллюстий пояснил причины этого: «Ибо – скажу коротко правду – из всех тех, кто с этого времени правил государством, под благовидным предлогом одни, будто бы отстаивая права народа, другие – наибольшую власть сената, каждый, притворяясь защитником общественного блага, боролся за собственное влияние. И в своём соперничестве они не знали ни умеренности, ни меры: и те и другие были жестоки, став победителями... Могущество кучки людей возросло. В их руках были магистратуры, провинции и всё прочее; сами они, не терпя ущерба, процветая, жили без страха и запугивали противников судебными карами за то, что те, будучи магистратами, обращались с плебсом чересчур мягко».

Оставшиеся в городе заговорщики решили поджечь Рим сразу в двенадцати местах и под шумок убить Цицерона. Но и эти планы были своевременно раскрыты хитрым консулом. В ходе следствия всплыло имя Красса. И тут сенаторы, в том числе и Цицерон, испугались – против самого богатого и влиятельного человека Рима выступить не посмел никто. Людей, которые показывали против Красса, срочно объявили лжецами и предателями, велели заковать их в цепи и не позволять общаться с народом. Позднее Красс всюду рассказывал, что свидетели эти были подсланы самим Цицероном, чтобы скомпрометировать его в глазах сенаторов. Известно, что таким же образом пытались очернить Юлия Цезаря, тогда рядового гражданина, но Цицерон на это не согласился. Враги будущего диктатора сами попытались возбудить против Цезаря толпу, и на него даже пытались напасть вооруженные мечами римляне. К счастью, их пыл быстро остудила стража.

Тем временем остававшиеся на свободе заговорщики попытались нанять главарей разбойничьих шаек, орудовавших в Риме, и их силами отбить товарищей. Чтобы не допустить беспорядков, сенаторы вознамерились было казнить схваченных, но тут начались дебаты, которые невозможно читать без улыбки, столь напоминают они наши дни. Вот, для примера, фрагмент из речи сенатора Марка Порция Катона: «Мы действительно уже давно не называем вещи своими именами: раздавать чужое имущество именуется щедростью, отвага в дурных делах – храбростью; поэтому государство и стоит на краю гибели... у нас... развращенность и алчность, в государстве – бедность, в частном быту роскошь, мы восхваляем богатства и склонны к праздности; между добрыми и дурными людьми различия нет; все награды за доблесть присваивает честолубие. И ничего удивительного: так как каждый из вас в отдельности думает только о себе, так как в частной жизни вы рабы наслаждений, а здесь – денег и влияния...»

Чуть ли не передравшись, сенаторы все же велели казнить главарей заговора – они были немедленно удушены в тюрьме.

Узнав о казни, большинство добровольцев, пришедших в армию Катилины, разбежались от греха подальше. Оказавшись в столь отчаянном положении, Катилина решил дать бой армии сената, которую возглавлял знаменитый ныне Марк Антоний. Заговорщики бились отчаянно, ни один не сдался в плен. Катилина погиб героем.

Судьба догнала Цицерона в декабре 43 г. до н. э. Ярый приверженец Октавиана (будущего императора Августа), он в дни учреждения Второго Триумvirата между Октавианом, Марком Антонием и Лепидом был предан покровителем и отдан на волю своему злейшему недоброжелателю Марку Антонию. Имя его немедленно внесли в проскрипционные списки врагов народа. Посланные за великим оратором убийцы отрезали ему голову и правую руку, которую Цицерон писал речи против политических врагов, и отнесли их в дар могущественному триумвиру.

Туллиево подземелье в Мамертинской тюрьме, где были задушены вожди заговора Каэтилины. Современный вид.

Глава 3. Интриги святой Феодоры

Император Юстиниан I и императрица Феодора. Объединённые фрагменты мозаики в базилике Сан-Витале в Равенне

Одним из самых известных в истории властителей Византийской империи был Юстиниан I (483–565 гг., император с 527 г.). Придворное общество времён Юстиниана представляло собою эталон мира аристократических интриг, коварства и преступлений. Об этом написано много книг, самой увлекательной из которых можно считать «Тайную войну» Прокпия Кессарийского.

Юстиниан I прославился не в одиночку – государственными делами при нём в значительной мере заправляла его супруга императрица Феодора (500–548 гг.). Несмотря на все злодеяния, эта царственная чета канонизирована и почитаема христианской церковью за богоугодные дела. День их памяти 27 ноября.

Феодора родилась в семье циркачей, смотрителей за зверями, и в детстве тоже была циркачкой. За неимением никаких особых талантов, она со временем стала гетерой самого низкого пошиба. Правда, жития утверждают, что распутница изменила свой образ жизни под влиянием проповедей александрийского патриарха Тимофея IV. Однажды шла Феодора по улицам Константинополя, увидел её в окошко наследник престола Юстиниан, и любовь поразила его сердце. Вскоре они поженились.

Все исследователи в один голос признают, что после замужества Феодора супругу своему не изменяла, а бывшие любовники её, особенно те, кто ненароком о том рассказывал, просто бесследно исчезли. Так же как исчез законный сын Феодоры, нажитый ею ещё до брака. Нагулянная дочка императрицы жила тихо и неприметно, а сына её и своего внука Феодора с согласия Юстиниана I забрала ко двору и позднее женила на дочери знаменитого полководца Велисария.

В геникее (женская часть дворца) Феодора повелела устроить подземелье, в отдельных изолированных камерах которого в кромешной тьме годами держала на хлебе и воде своих врагов, зрителям же было запрещено разговаривать с узниками.

Бывали при императорском дворе интриги сравнительно безобидные. Императрица Феодора благоволила к жене Велисария Антонине, женщине, имевшей, подобно императрице, далеко не благочестивую молодость. В отличие от Феодоры, Антонина не смогла остановиться и в зрелые годы. Велисарий усыновил младенца Феодосия, но когда тот вырос, Антонина принудила юношу стать её любовником. Велисарий несколько раз заставлял их за неблаговидным делом, но старался не придавать этому значения, пока одна служанка, подержанная двумя отроками-рабами, не рассказала ему о разврате, который творился каждую ночь в его спальне, едва Велисарий отправлялся на очередную войну. Возмущённый полководец велел убить Феодосия. К счастью, юношу кто-то предупредил, и он бежал. Однако Велисарий любил Антонину, хитрая женщина с лёгкостью уговорила мужа, и тот по мягкости сердечной простил изменщицу, а приёмыша призвал вернуться домой. Болтливых служанку и отроков добрый супруг отдал обиженной жене. «Всем им она сначала, как говорят, отрезала языки, затем изрубила их на куски, покидала в мешки и без малейшего угрызения совести бросила в море».

Император Юстиниан I с придворными. Ближний к императору слева – Велисарий. Фрагмент мозаики в базилике Сан-Витале в Равенне

О возобновившемся блуде сообщил Велисарию Фотий, родной сын Антонины и пасынок полководца. Отчим уговорил юношу убить Феодосия. Сам же вознамерился покончить с

Антониной. Фотий изловил Феодосия и упрятал его под стражу вдали от Константинополя, поскольку опасался лишить жизни любовника мстительной матери.

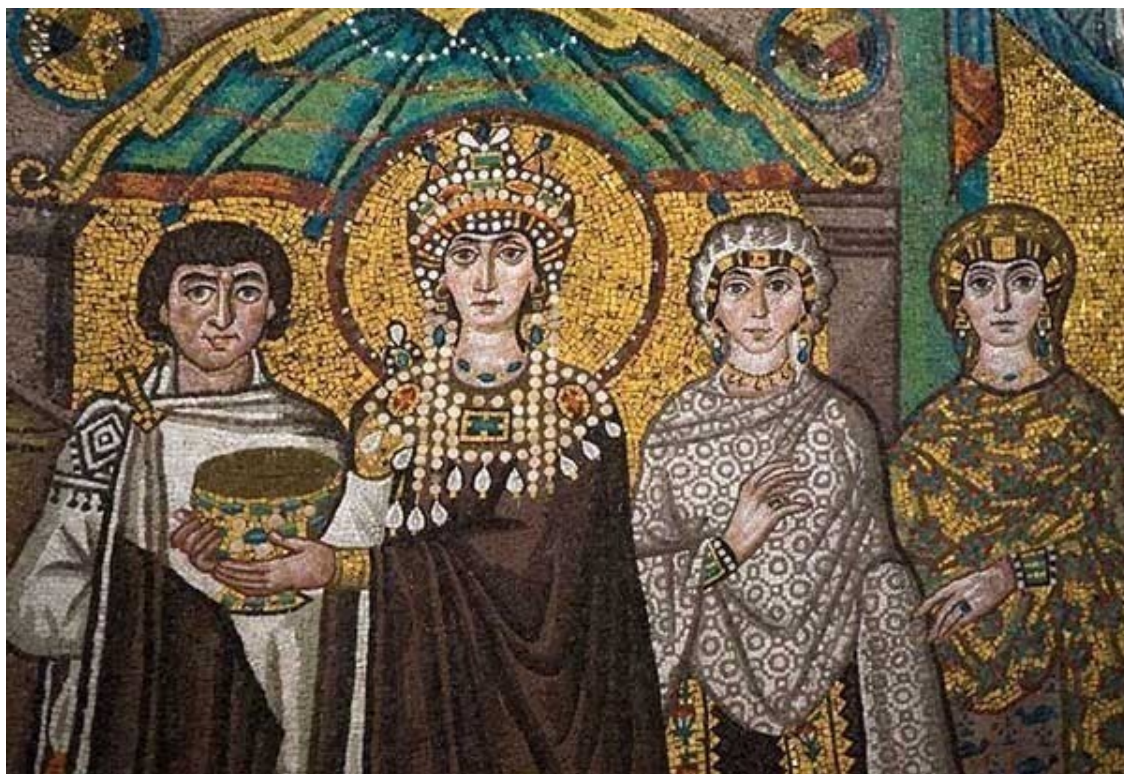
И тут на помощь подруге пришла Феодора. Через своих шпионов она узнала о готовящейся расправе над Антониной. Поскольку Феодора вертела императором Юстинианом как хотела, и придворные её потому очень боялись, императрица заставила Велисария примириться с женой, но полководец сделал это лишь внешне.

Тем временем подручные властительницы тайно изловили наиболее близких к Велисария людей и постарались пытками выяснить, где прячут Феодосия. Большинство из этих несчастных так и не вышли из подземелья Феодоры. Особо тяжко мучили Фотия, но молодой человек под жесточайшими пытками не выдал место укрытия любовника матери. Зря!.. Слуги Феодоры не смели ослушаться приказа императрицы и все-таки ухитрились отыскать пленника.

Феодора укрыла молодого красавца у себя во дворце, и отныне Антонина могла спокойно встречаться с любовником в царских покоях. Правда, тешились они недолго. Феодосий внезапно заболел дизентерией и умер.

Однако после его смерти злоба женщин против Фотия не утихла. Три года молодого человека держали во тьме подземелья. Он дважды сбегал и пытался найти убежище в храме, но вопреки византийским законам его всякий раз выволакивали оттуда и возвращали в узилище. В третий раз Фотий сбежал в Иерусалим, где постригся в монастырь и стал схимником. Найти его не смогли, хотя на поимку беглеца императрица бросила несколько десятков тысяч человек! За всё это время неблагодарный Велисарий даже не подумал заступиться за пасынка.

Вскоре в Византии начался мор. Заболел и Юстиниан. При дворе стали поговаривать о том, кто мог бы стать новым императором. Когда Юстиниан поправился, такие разговоры расценили как попытку организовать заговор против Феодоры. Под подозрение попал и Велисарий, которого немедля лишили всех должностей и привилегий. Феодора же решила использовать эту ситуацию для окончательного примирения капризного супруга с Антониной.

Императрица Феодора с придворными. Ближняя к императрице справа – Антонина. Фрагмент мозаики в базилике Сан-Витале в Равенне

Однажды утром бывший полководец явился во дворец с толпой просителей. Он провёл там весь день, унижаемый и гонимый дворцовой челядью, справедливо опасаясь, что сейчас к нему подойдут убийцы, как это было принято при византийском дворе. Дома «постоянно в поту, с головокружением, в отчаянии впад в сильную дрожь, он терзался низменными страхами и трусливыми, совершенно не свойственными мужам тревогами. Антонина же, якобы не ведая, что происходит, и якобы не ожидающая того, что должно произойти, то и дело ходила взад и вперёд, делая вид, что страдает изжогой: они всё ещё относились друг к другу с подозрением». Неожиданно явился посыльный от Феодоры. «Когда Велисарий услышал об этом, он, раскинув руки и ноги, упал навзничь на ложе, совсем готовый к гибели. Настолько всякое мужество покинуло его». Но посыльный принёс прощение от императрицы, которое было даровано «преступнику» в знак благоволения к Антонине. «Прочитав это, Велисарий от радости подскочил до небес и, желая вместе с тем выказать перед присутствующим свою признательность, тотчас же встал и пал ниц к ногам своей жены. Охватив обеими руками её голени, он принялся языком лизать то одну, то другую её ступню, называя её источником своей жизни и спасения и обещая отныне быть ей не мужем, но верным рабом». Правда, эта история столь изломала Велисария психологически, что в последующей жизни он оказался не в силах одержать хотя бы одну военную победу – полководец стал трусом!

Несправедливые преследования победоносного полководца породили впоследствии легенду о том, будто Велисарий был ослеплён по приказу злобного Юстиниана и последние годы жизни просил подаяние. Воевавшие под его началом солдаты узнавали своего командира и щедро одаривали его милостыню.

Велисарий, просящий милостыню. Художник Ж.-Л. Давид

Другая интрига Феодоры оказалась более жестокой.

Королева остготов Амаласунта была регентом при своём малолетнем сыне короле Аталарихе. Правила она жёстко и весьма умно, но ориентировалась в политике прежде всего на Византию. Со своими противниками регентша расправлялась без малейшего сожаления, а троих знатных готов даже казнила по обвинению в заговоре.

Готская знать была очень недовольна правлением женщины и пыталась известить регентшу посредством интриг. Об Амаласунте даже распускали слухи, будто заполучив власть, она влюбилась в простолюдина и попыталась бежать с ним из Равенны, столицы остготского королевства. Однако мать её Аудофледа, вдова короля Теодориха I Великого, узнав об этом, якобы подняла рыцарей, и они пустилась в погоню за беглецами. Настигнув взбалмошную парочку, преследователи по велению прискакавшей следом Аудофледы сначала кастрировали возлюбленного Амаласунты, а затем казнили его, подвергнув жутким пыткам на глазах обеих королев. Затем регентшу-беглянку вернули во дворец.

Амаласунта не смогла простить матери такой страшной гибели возлюбленного. Будучи на службе в церкви, она незаметно бросила в чашу для причастия сильный яд и передала ее Аудофледе. Королева-мать умерла в страшных корчах прямо у алтаря.

Таковыми сплетнями готам удалось восстановить против Амаласунты юного Аталариха. Ненависть его к матери выразилась в бесконечном пьянстве и диком разврате. Как результат, юноша умер от порочной болезни, не достигнув совершеннолетия.

Королева-регент оказалась в затруднительном положении. Она не являлась официальной наследницей сына и серьёзной поддержки в обществе не имела. Чтобы не потерять власть, Амаласунта предложила свою руку двоюродному брату Теодахаду из Тусции с условием, что он не станет вмешиваться в государственные дела. Тот с радостью согласился. Но едва его короновали, как Теодахад повелел арестовать Амаласунту и сослал её на остров Мартана посередине озера Больсена (западные предгорья Центральных Апеннин).

Стареть в заточении Амаласунта не собиралась. Через близких ей людей, а таковые имелись, она обратилась к императору Юстиниану I с просьбой принять её в Византии. Но на беду пленницы Юстиниан посвятил в эту интригу Феодору. Императрица «приздумалась над тем, что эта женщина (Амаласунта. – В.Е.) была знатного происхождения, к тому же царица, очень хороша собой и необыкновенно изобретательна в путях и средствах к достижению желаемого ею. Её величие и исключительно мужской склад характера возбуждали в Феодоре подозрения, в то же время она боялась непостоянства своего мужа. Свою ревность, однако, она проявила не в пустяках, но решила злоумышлять против той, не останавливаясь и перед её убийством».

Юстиниан отправил в Италию посла по имени Пётр, которому поручил позаботиться о судьбе Амаласунты. Феодора же тайком от мужа велела Петру организовать убийство несчастной.

Византийский посол без труда убедил Теодата умертвить Амаласунту. На остров были посланы родственники казнённых Амаласунтой готы. Женщину заперли в бане и сварили там в кипятке. Не надо думать, что готы изощрялись в жестокости – таков был один из самых популярных способов тайного убийства в Древнем Риме и в Византии.

Феодора была довольна исполнением её поручения, потому перед Петром открылась широкая дорога к высшим постам в империи, а следовательно, к огромным доходам.

Амаласунта, королева остготов. Гравюра из средневекового манускрипта

Глава 4. Месть короля Педро

Король Педро I Кастильский. Гравюра XIX в.

Король Кастилии и Леона Альфонсо XI женился дважды. И оба раза неудачно. С первой женой он развёлся через год после свадьбы, так что детей у них не было. Вторую жену,

инфанту Марию Португальскую, король терпел более пяти лет – первый их ребёнок родился только через четыре года совместной жизни и прожил всего две недели, второго – мальчика Педро – женщина родила ещё через девять месяцев⁶. К тому времени подлинная возлюбленная короля кастильская дворянка Леонора де Гусман успела родить венценосному любовнику четырёх сыновей⁷ и была не прочь продолжить сие благое дело.

При дворе в столице королевства городе Бургосе Леонору считали настоящей королевой, Марию же – подложной. Леонора жила во дворце, ей публично воздавали королевские почести, а когда Альфонсо отбывал на очередную войну – она управляла королевством. Благо родственникам любовницы король роздал высшие государственные посты.

Сразу после рождения сына королева Мария удалилась в замок в Севилье, где в бедности и унижении растила Педро в течение шестнадцати лет. Альфонсо наследником не интересовался, отдавал предпочтение сыновьям Леоноры. Королева же нашла утешение в объятиях любовника Хуана Альфонса де Альбукерке.

Но вот наступил 1350 г. Ранней весной Альфонсо XI выехал в военный лагерь под Гибралтаром – король намеревался отвоевать полуостров у мавров. Однако в лагере вспыхнула эпидемия чумы, Альфонсо заразился и 26 марта того же года умер. Педро неожиданно стал королём Кастилии и Леона.

Смерть Альфонсо чрезвычайно встревожила Леонору и её потомство. Все они бежали из столицы: трое старших сыновей – граф Энрике Трастамарский, магистр ордена Сантьяго Фадрик и граф Тельо Кастньеда⁸ в замки, дарованные им в вотчину отцом, а Леонора с младшими детьми в замок Медина-Седония. Однако король Педро I бездействовал. Казалось, что враги матери его не интересуют. Тогда сыновья Леоноры решили показать свою лояльность новой власти и принести сводному брату-королю вассальную присягу.

Едва они присягнули, как Леонору объявили государственной преступницей и заточили в замке Кармоны близ Севильи. Схватили и Фадрика с Тельо. Только Энрике, покрыв лицо кожаной маской, сумел бежать из страны в темноте ночи.

И вновь в Кастилии наступила тревожная тишина. Её прервала внезапная болезнь короля. Врачи предупредили, что Педро лежит на смертном одре. Вдовствующая королева Мария в тоске металась по мрачным коридорам дворца, а Леонора и её дети радовались предстоящему избавлению от напасти. Правда, у Марии объявились сразу два жениха – оба с правами на кастильский престол. Это были двоюродный брат больного короля гранд Фернандо Арагонский и дальний родственник королевского семейства Хуан Нуньес де Лара, сеньор Бискайи.

К огорчению интриганов Педро справился с болезнью и пошёл на поправку. Мать не стала скрывать от сына предательство, которое творилось в замке, пока он в беспамятстве метался по постели. И наступило время возмездия.

Не прошло и десяти дней, как в королевском дворце внезапно умерли Хуан Нуньес де Лара и приехавший с ним племянник – он же тесть графа Энрике Трастамарского. Было объявлено, что оба страдали тяжкой болезнью, но никто не сомневался, что грандов убили.

Затем Педро I, королева Мария в обществе возведенного в канцлеры Альбукерке, прихватив с собою пленную Леонору, отправились в поездку по стране, чтобы продемонстрировать народу выздоровевшего короля. По пути они заехали в замок, где томились Фадрик и Тельо, и Леоноре разрешили повидаться со старшим сыном. Женщина пожаловалась Фадрику, что её терзают дурные предчувствия. С тем они и расстались.

⁶ Согласно широко распространённой в Средние Века легенде, королева Мария якобы родила мёртвого младенца, но опасаясь гнева мужа, подменила его тогда же родившимся сыном некоего еврейского торговца.

⁷ Сыновей Леоноры де Гусман и Альфонсо XI в литературе обычно определяют одним словом – бастарды.

⁸ В тот год близнецам Энрике и Фадрику исполнилось по восемнадцать лет, а Тельо – тринадцать лет.

Леонора де Гусман прощается с сыном Фадриком. Художник А.А. Ботелла

Когда кавалькада проезжала мимо Талаверы – личного замка королевы Марии, она повелела оставить Леонору там. Через день в замок прибыл королевский вестник со смертным приговором. Бывшую фаворитку вытащили за волосы из постели и закололи, пронзив горло кинжалом.

Тем временем Педро I приказал привезти к нему Тельо. Когда юношу подвели к повелителю, тот спросил:

– Дон Тельо, знаете ли вы, что ваша мать мертва?

– Сеньор, – со страхом в голосе ответил бедняга, – у меня нет ни отца, ни матери, кроме вашей милости.

И король смиростивился, не стал убивать мальчика.

Пока Педро I и королева Мария путешествовали по Кастилии, Фадрик успел скрыться за границей и присоединился к Энрике. Владения обоих беглецов и владения Леоноры по приказу короля конфисковали в пользу государственной казны.

Затем пришла очередь семьи де Лара и её приверженцев. В Бургосе королевское войско устроило резню. Из членов фамилии удалось спасти только трёхлетнего мальчика, который вскоре после бегства умер на чужбине. Владения семейства тоже конфисковали.

* * *

Как ни странно, жестокость Педро I стала всё больше и больше беспокоить Альбукерке. Он посоветовал королеве Марии смягчить сердце сына, женив его на достойной девушке. Выбор королевы пал на принцессу Бланку Бурбонскую из французской королевской династии Капетингов. Одновременно канцлер решил покрепче привязать к себе молодого короля.

В доме его воспитывалась бедная дворяночка-сиротка по имени Мария де Падилья. Её-то и задумал Альбукерке сделать любовницей Педро I.

Однажды во время охоты молодому человеку как бы ненароком показали милую скромницу. В тот же вечер Марию представили королю официально. Это была взаимная любовь с первого взгляда. Через девять месяцев Падилья родила дочь Беатрис.

В день рождения девочки Альбукерке завершил переговоры о бракосочетании короля Педро с принцессой Бланкой. Но когда довольный канцлер потирал руки при мысли о щедром приданом, которое давали за невестой, Мария де Падилья уже вступила в заговор против своего опекуна, составленный сыновьями несчастной Леоноры де Гусман. Поддержали королевскую любовницу и её дядя, и особенно два её старших брата.

Благодаря интригам семейства де Падилья Педро I не явился на встречу со своей только-только приехавшей из Франции невестой Бланкой. Приветствовал девушку лишь один обескураженный канцлер. Подобная неучтивость могла оскорбить короля Франции Иоанна II Доброго, что по нравам тех времен пахло кровопролитной войной. Альбукерке стоило больших усилий убедить сопровождавших невесту вельмож в случайности такой неучливости.

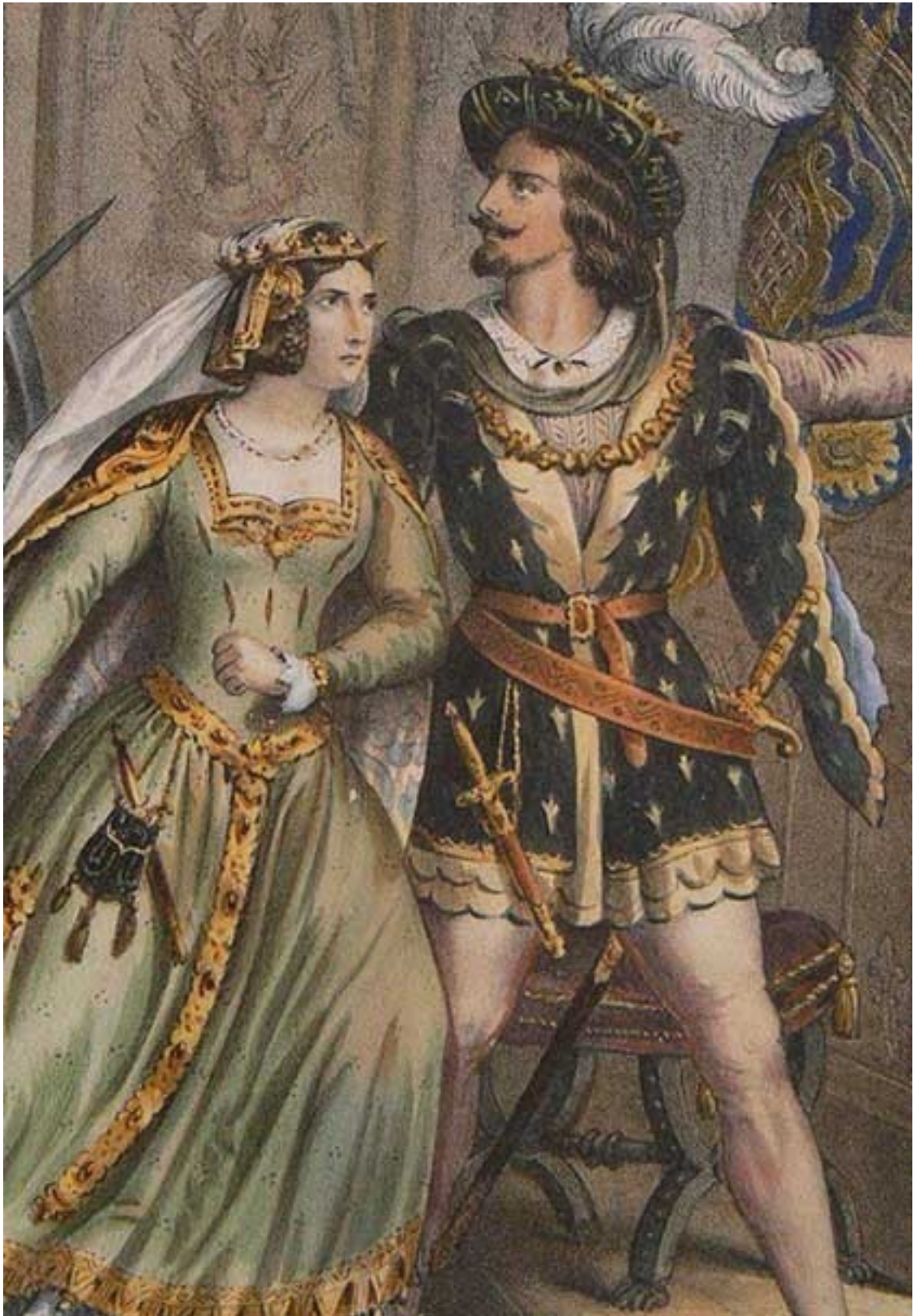
3 июня 1353 г. свадьба всё же состоялась, праздновали её в Вальядолиде. Разделить с женой брачное ложе король отказался. Через день, никому не сказав ни слова, он умчался к любовнице в Толедо. Навсегда. При этом Альбукерке был лишён всех постов. Опальный гранд вынужден был уехать в Португалию. Следом Педро выслал к нему и свою мать – королеву Марию. С лета 1353 г. король стал править самостоятельно.

Вскоре Педро I решил уничтожить Альбукерке. Он обратился к королю Португалии с предложением выдать беглеца. А в самой Кастилии начал разорять владения недавнего канцлера и покровителя. Португальский король Афонсу IV отказал соседу, а обиженная королева Мария стала чинить козни против неблагодарного сына.

* * *

Тем временем началась новая любовная история. Продолжая сожительствовать с Марией де Падилья, Педро I воспылал страстью к красавице-вдове Хуане де Кастро, дворяночной племяннице убитой по его приказу Леоноры де Гусман. Хуана твёрдо отказалась быть любовницей короля. И тогда Педро решил жениться на ней, предварительно получив развод с Бланкой. Король обратился в церковный суд и обвинил супругу в том, что до замужества она прелюбодействовала с его сводным братом Фрадриком. Запуганное монархом следствие подтвердило этот факт. Развод был получен, и в 1354 г. Педро принудил Хуану стать его женой.

В течение нескольких ночей удовлетворив свои плотские желания, король подарил супруге большой участок земли в Кастилии и навсегда прогнал её прочь. Женщина так и умерла в ссылке, двадцать долгих лет лишь на словах оставаясь королевой. Педро предпочёл вернуться к Марии де Падилья.

Мария де Падилья и Педро I. Гравюра XIX в.

Тем временем бастарды братья-близнецы Энрике и Фадрик вступили в сговор с Абулькерке, намереваясь отстранить Педро I от престола. К заговору против собственного сына примкнула королева Мария. Её отец король Португалии Афонсу IV дал молчаливое согласие на переворот в соседнем королевстве.

Вскоре после этого в Кастилии началось восстание бастардов в поддержку королевы Бланки. И это при том, что бедняжка оставалась пленницей короля Педро. Бастардов и Альбукерке поддержало большинство кастильских грандов. Поддержал их и простой народ. В Толедо восставшие освободили томившуюся в местной крепости Бланку, и она стала их королевой.

В разгар побед неожиданно умер Альбукерке, принявший на ночь средство от кашля, которое прописал ему генуэзский врач. Сразу после кончины больного врач этот уехал к Педро I и получил от короля солидное вознаграждение. Неспроста умиравший гранд завещал носить его гроб впереди воинства до тех пор, пока не будет свергнут и убит Педро I. Воля покойного исполнялась неукоснительно в течение всего времени противостояния.

Неудачи короля были столь тяжкими, что пришёл час, когда у него осталось только 600 алебардщиков. И тогда Педро I предложил врагам закончить смертоубийство миром. Когда король явился для переговоров, его захватили в плен. Бастарды торжествовали. Дело заканчивалось тем, что вожди восставших получили основные государственные должности в Кастилии, им должны были выплатить огромную компенсацию за потерянные доходы. Убить помазанника Божия заговорщики не решились.

Однако торжествовали победители не долго. Финансами Кастилии заведовал старый еврей Самуэль эль Леви. Ему удалось скрыть от восставших значительную часть государственной казны. На эти деньги он набрал в Бургосе⁹ отряд наёмников, а в Толедо подкупил несколько заговорщиков. Поговаривали, что в их числе был и бастард Тельо. Как бы там ни было, в ноябре 1354 г. эль Леви выкрал Педро I, и они вдвоём на резвых конях бежали на свободу.

Дерзкий побег вызвал неожиданную реакцию в обществе. Недавно ненавидевшие своего короля простые кастильцы вдруг вспыхнули к нему любовью и уважением. Зато вожди восстания ударились в склоку – стали выяснять, кто из них больше виноват в бегстве короля, а кто меньше. В свою очередь Педро I виновниками своего позора объявил только бастардов и поклялся им отомстить.

Однако короля уже давно поджидала другая беда. Едва Педро вернулся в свой дворец в Бургосе, как в Толедо прибыл легат папы римского Иннокентия VI. Папа отлучил Педро I от церкви за двоежёнство и за разврат с Марией де Падилья и Хуаной де Кастро. Святой отец повелел королю вернуться на супружеское ложе к королеве Бланке.

Отлучение короля от церкви в XIV в. было событием, смерти подобным. На королевство Кастилию был наложен интердикт – запрещалось совершать богослужения, церковные обряды и подчиняться королевским должностным лицам. Впрочем, папа просчитался. Сам он был французом, уроженцем Лиможа, а потому кастильцы решили, что таким путём французский король вмешивается во внутренние дела их страны и мстит за несчастья королевы Бланки. В ответ на решение папы Педро I воспользовался всеобщей поддержкой и конфисковал имущество всех церковных иерархов, кто попытался подчиниться интердикту наместника святого Петра.

Разрешив таким путём очередную интригу, король с отрядом наёмников ринулся против бунтовщиков. Окончательно они были разгромлены лишь в 1356 г. Большинство вождей были убиты. В плену оказались королева Мария, королева Бланка, жена графа Энрике – Хуана¹⁰, два младших бастарда – Хуан и Педро¹¹. Старшие бастарды спаслись бегством. В

⁹ Во времена Педро I у Кастилии имелись две столицы: старая столица Бургос и новая столица Толедо. Сами кастильцы говорили, что Бургос – столица Старой Кастилии, а Толедо – столица Молодой Кастилии.

¹⁰ Графиню Хуану Педро I считал самой ценной пленницей, за нею был установлен особо крепкий надзор. Но именно она была похищена и возвращена любимому супругу в 1358 г.

дни торжества король без каких-либо церемоний объявил Марию де Падилья своей женой и королевой.

Первым делом Педро I обеспокоился судьбой матери. Предполагают, что с вопросом «как быть?» он обратился к своему деду, отцу Марии королю Афонсу IV, и получил совет – с королевой-матерью пора кончать. Старика бесило безнравственное, как он считал, поведение дочери. Педро согласился с советом деда. Когда женщине дали выпить яд, не известно, но народ смог убедиться в благородстве своего короля – матушка-заговорщица была с миром отпущена к своему папе. Приехав в Лиссабон, она сразу же слегла, сражённая неизвестной болезнью, и 18 января 1357 г. умерла. «Высоконравственный» Афонсу IV последовал за дочерью в конце этого же года. Новым португальским королём стал его старший сын Педру I¹².

Короли Педро и Педру быстро нашли общий язык и выдали друг другу своих бежавших из отчества врагов. И в Кастилии, и в Португалии несчастные были подвергнуты жесточайшим пыткам и казнены. В числе кастильских пленников оказались последние родственники Леоноры де Гусман.

Жизнь полна парадоксов. Не прошло и года, как началось брожение между старшими бастардами, и магистр ордена Сантьяго Фадрик запросили прощения у короля Педро. Брат охотно его дал, тем более что ранее на королевскую службу уже был принят граф Тельо Кастньеда. Однако Фадрик был прощён лишь для того, чтобы расплатиться за все свои прежние грехи.

29 мая 1358 г. магистр Фадрик приехал к королевскому двору. Педро принял его с радужием. Затем бастард отправился в покои Марии де Падилья. Фаворитка с плачем сообщила, что сегодня его попытаются убить.

– Спасайтесь! – ломая руки, горестно воскликнула женщина.

Странно, но молодой человек ей не поверил.

В королевской приёмной к магистру приблизился верный вассал и прошептал:

– Ваше высочество, бегите через потайную дверь, она рядом. Как-нибудь спасёмся...

Но было поздно. В дверях стоял сам король Педро I и звал брата войти в кабинет. Не успел Фадрик переступить порог комнаты, как на него напали сразу несколько дворян из свиты короля. Завязалась короткая потасовка, кто-то ударил бастарда булавой по голове, и бедняга упал без чувств. Педро I своими руками добил брата кинжалом, а заодно заколол его вассала.

На следующий день в городе и округе была резня сторонников магистра. Казнили или просто убили несколько сот человек, в основном дворян.

А потом была долгая война Кастилии против объединённых сил королевств Арагона и Наварры, султаната Меринидов (Марокко) и сторонников бастарда Энрике. В одном из сражений погиб любимый дядюшка Марии де Падилья. Разъярённый этой смертью Педро поклялся отомстить всем бастардам и приказал убить третий год томившихся в плену младших бастардов – Хуана и Педру. Обоих зарезали тем же днём.

Настала очередь еврея Самуэля эль Леви. Он всё ещё оставался главным финансистом короля и добывал золото на войну. Однако Педро решил, что эль Леви наверняка многое присваивает себе. По его приказу верного казначея бросили в тюрьму и подвергли жесто-

¹¹ Хуану шёл тогда пятнадцатый год, а Педро – одиннадцатый.

¹² Во избежание путаницы в последующем рассказе необходимо запомнить, что в Кастилии царствовал король Педро I, а в Португалии – его дядя, король Педру I.

чайшим пыткам. Бедолага сразу же указал все свои тайники. Подсчитав прибыль от конфискации состояния эль Леви, Педро остался недоволен и велел прикончить его.

В 1359 г. Мария де Падилья родила королю единственного его сына Альфонсо. С того времени счастливый Педро только и думал о том, как узаконить своего отпрыска и утвердить его наследником престола. В 1361 г. во время охоты к королю обратился некий охотник с призывом вернуться к законной королеве и даровать Кастилии наследника. Говорили, что именно после этой встречи у Педро I родился жестокий план.

За годы замужества Бланка Бурбонская лишь несколько месяцев провела на свободе. Всё остальное время она провела в заточении. И вот в замок, где держали несчастную, прибыли особый посланец и личный доктор короля. Они вызвали Бланку в отдалённую комнату, предупредили, что сейчас она должна умереть, и подали королеве чашу с ядом. Женщине ничего не оставалось, как выпить отраву. Почти сразу она замертво упала на пол.

Летом того же года Мария де Падилья заразилась чумой и отдала Богу душу. Долго горевал Педро I, а в 1362 г. он созвал в Севилье кортесы – сословно-представительное собрание, где всенародно объявил, что ещё до венчания с Бланкой Бурбонсой он тайно женился на Марии де Падилья. Поэтому браки с Бланкой и Хуаной де Кастро изначально были незаконными. Три свидетеля подтвердили заявление короля, а архиепископ Толедо обосновал законность союза Педро и Марии. После этого малыша Альфонсо провозгласили наследником кастильского престола. К сожалению, через несколько недель ребёнок тоже заразился чумой и умер.

Война с союзниками и бастардом графом Энрике продолжилась. Педро I побеждал. После одного из тяжелейших сражений Энрике едва спасся и бежал во Францию, где молодой король Карл V согласился оказать ему помощь. Бастрату был выделен отряд рутьеров – так назывались вооружённые бандиты-наёмники, самые отмороженные воинские формирования времён Столетней войны. Возглавил отряд великий французский полководец той эпохи коннетабль¹³ Бертран Дю Геклен.

В первом же сражении Педро I разгромил французов, а Дю Геклен попал в плен. Карл V выкупил своего военачальника, и война продолжилась.

К началу 1369 г. удача повернулась лицом к бастарду. Воинство Педро I терпело одно поражение за другим. Решительная битва произошла 14 марта близ города Монтиеля. Армия кастильского короля была на голову разбита, а сам Педро с четырьмя рыцарями едва успел скрыться в местном замке. Пробриться через кордоны осаждавших замок рутьеров у кастильского короля не было никакой возможности. Сдаться в плен означало принять верную смерть. И тогда Педро I придумал последнюю хитрость. Он решил подкупить командира рутьеров коннетабля Дю Геклена.

Ближайшей ночью во французский лагерь тайно пробрался лазутчик – рыцарь Родригес де Сенабрия. Он отыскал шатёр Дю Геклена и добился встречи с ним. Коннетабль и рыцарь были старыми знакомцами. Де Сенабрия передал предложение осаждённых: Дю Геклен переправляет короля Педро и его рыцарей в безопасное место, а за это ему лично во владение будут переданы города Сория, Атьенса, Альмазан, Монтеагудо, Деса и Серон; помимо того ему выплатят 200 тыс. золотых дублонов высшей пробы.

Коннетабль подумал и согласился.

Поздно ночью 23 марта 1369 г. Педро I в сопровождении его рыцарей, все в чёрных одеждах, покинули замок через потайной ход. У выхода их ожидали снаряжённые кони с обмотанными тряпками копытами.

¹³ Коннетабль (*фр.*) – главнокомандующий.

Дю Геклен ждал у крепостной стены. Он взял королевского коня под уздцы и провёл его к дальнему шатру. Когда коннетабль тихо позвал, на порог шатра вышел граф Энрике Трастамарский и громко воскликнул:

– Где этот еврейский бастард, сукин сын, который называет себя королём Кастилии!

Понимая, что это уже неизбежный конец, преданный король Педро набросился на сводного брата, и началась рукопашная схватка. Педро был сильнее, он повалил Энрике на спину и стал его душить. Наблюдавший за дракой Дю Геклен схватил короля за ноги и одним рывком перевернул дравшихся. Теперь уже граф оказался сверху. Он изловчился, выхватил кинжал и вонзил его в бок Педро. Король умер сразу. Энрике поднялся, плюнул в лицо труп и приказал отрубить Педро голову, чтобы отправить её в Севилью и прибить там над воротами королевского замка. Труп убитого короля год висел на крепостной стене города.

Потом останки Педро закопали в тайном месте. Захоронение обнаружили только в 1868 г. Останки монарха с честью перезахоронили в королевской часовне Севильи между могилами Марии де Падильи и магистра ордена Сантьяго Фадрика.

Новым королём Кастилии стал Энрике II, бывший бастард граф Энрике. Он является основателем новой династии кастильских монархов – Трастамара. Эта династия правила в Кастилии до 1555 г. Её представители католическая чета Изабелла и Фердинанд V подготовили все условия для образования единого королевства Испания. Провозгласил же новое королевство их правнук Филипп II, уже второй на трастамарском престоле представитель династии Габсбургов. Благодаря династической политике короля Фердинанда V кровь династии Трастамара сегодня течёт в жилах практически всех монархических семей Европы, есть она и у потомков династии Романовых.

Убийство короля Педро I Кастильского. Художник А. Монтеро-и-Валво

Глава 5. О добром Зосиме замолвите слово

Иоанн III свергает татарское иго, разорвав изображение хана и приказав умертвить послов. Художник Н.С. Шустов

Со времени могущественного митрополита Алексия Бяконта и его младшего сподвижника игумена Сергия Радонежского, с одной стороны, и великого князя Московского Димитрия Донского, с другой стороны, на Руси началось противостояние церковной и светской властей. Православные иерархи были не прочь сделать Московское княжество теократическим государством наподобие Папской области в Италии, но великие князья оказывали им успешное противление и в свою очередь намеревались подчинить православных иерархов светской власти. Противостояние это перешло и в Российское царство, что ярко проявилось в отношениях царя Ивана IV Грозного с русскими митрополитами или в трагическом неприятии патриарха Никона царём Алексеем Михайловичем. А завершилось оно при Петре I, который без особых церемоний в феврале 1721 г. заменил патриаршество бюрократическим учреждением – Священным Правительствующим Синодом.

За триста пятьдесят лет противостояния (то затихавшего, то вспыхивавшего вновь – всё зависело от силы личности, оказывавшейся в центре событий) набралось достаточное число высокопоставленных жертв его. Среди них особо выделяется митрополит Зосима Брадатый, человек мягкий душой, добрый, никогда ни на что особо не претендовавший, но волею своих монашесствующих врагов объявленный чуть ли не вождём второй¹⁴ и самой

¹⁴ Во второй половине XIV в. в Пскове, а затем и в Новгороде, возникло еретическое движение стригольников. Его сторонники отвергали церковную иерархию и практику торговли церковными должностями. В толковании Священного

неизвестной ереси в истории средневековой Руси – ереси жидовствующих. А ведь он и есть тот духовный писатель, благодаря трудам которого начала формироваться основополагающая идея русской цивилизации «Москва – Третий Рим, а четвёртому не бывать».

О жизни Зосимы до его возведения в сан архимандрита Симонова монастыря сведений нет. Мы можем лишь кое-что додумывать по отрывочным записям в летописях. Так, высказывается предположение, что Зосима был младшим родственником дьяка¹⁵ Стефана Брадатого. Поскольку Стефан служил великому князю Московскому Василию II Тёмному, был в добрых отношениях с великой княгиней Марией Ярославной и её любимым сыном будущим великим князем Иваном III, становится понятным доверие, с которым последний относился к своему ровеснику Зосиме. Более того, вполне возможно, что до монастырского пострижения Зосима сам служил дьяком Ивана III¹⁶.

В сентябре 1485 г. Зосима сделал небывалый карьерный прыжок – был поставлен архимандритом ставропигиального¹⁷ Симонова Нового московского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы. Это был один из самых высоких постов в русской церковной иерархии. К тому же Симонов монастырь был единственным в княжестве, монахи которого подлежали суду только великого князя, и церковные власти могли дотянуться до них, лишь пожаловавшись Ивану III.

Подобное назначение стало возможным и по причине высокого доверия, которое великий князь оказывал своему подручному, и по причине чрезвычайно конфликтной обстановки при великокняжеском дворе после славного стояния на Угре в 1480 г. и обретения политической независимости Московского княжества от Орды.

Конфликт первый.

Ещё весной 1467 г. скончалась первая жена Ивана III великая княгиня Мария Борисовна Тверская. Она оставила супругу единственного сына и наследника Ивана Ивановича Молодого. Погоревав по Марии, умершей в неполные двадцать пять лет¹⁸, поздней осенью 1472 г. великий князь венчался с новой женой – греческой царевной Софьей Палеолог. По условиям предварительного договора дети от этого брака не могли претендовать на московский престол.

Всего Софья родила пятерых сыновей и четырёх дочерей. Но более всего душа её болела за судьбу старшего сына Василия (родился в марте 1479 г.) и мириться с условиями договора великая княгиня не собиралась. Надежды её стали быстро таять, когда Иван Молодой женился в январе 1483 г. на Елене Волошанке, дочери молдавского господаря Стефана III Великого¹⁹. Осенью того же года у молодой четы родился сын Дмитрий Внук. Сдаваться

Писания стригольники были близка ереси богомилов (общеевропейская христианская ересь X–XV вв.). Они утверждали, что всё время Ветхого завета миром правил старший сын Бога-Отца по имени Сатанаил. По его воле творилось всё зло на земле. Приняв мученическую смерть на кресте, Иисус Христос «разбожествил» Сатанаила и низверг его в ад. Таким образом, материальный мир создал не Бог, а Сатанаил – истязатель людей.

¹⁵ Дьяк – высшая чиновничья должность в средневековой Руси, руководитель приказа или младший чин в боярской думе..

¹⁶ Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.

¹⁷ Ставропигиальный монастырь (от греч. «воздвижение креста») – монастырь, подчиненный непосредственно патриарху, а не нижестоящим властям. Считается, что крест над главным храмом такого монастыря символически воздвиг кто-либо из патриархов. Симонов монастырь – первый в истории русской православной церкви ставропигиальный монастырь (с 1383 г.). Изначально он находился под покровительством Константинопольского патриарха, который там останавливался в дни посещения Москвы. Архимандрит Симонова монастыря являлся наместником Константинопольского патриарха (того самого, который до автокефалии русской православной церкви возводил в сан митрополита всея Руси).

¹⁸ И летописцы, и многие историки полагают, что Мария Борисовна была отравлена, но не смогли выдвинуть хотя бы одну версию о заинтересованных в таком убийстве лицах – уж больно безобидной была великая княгиня.

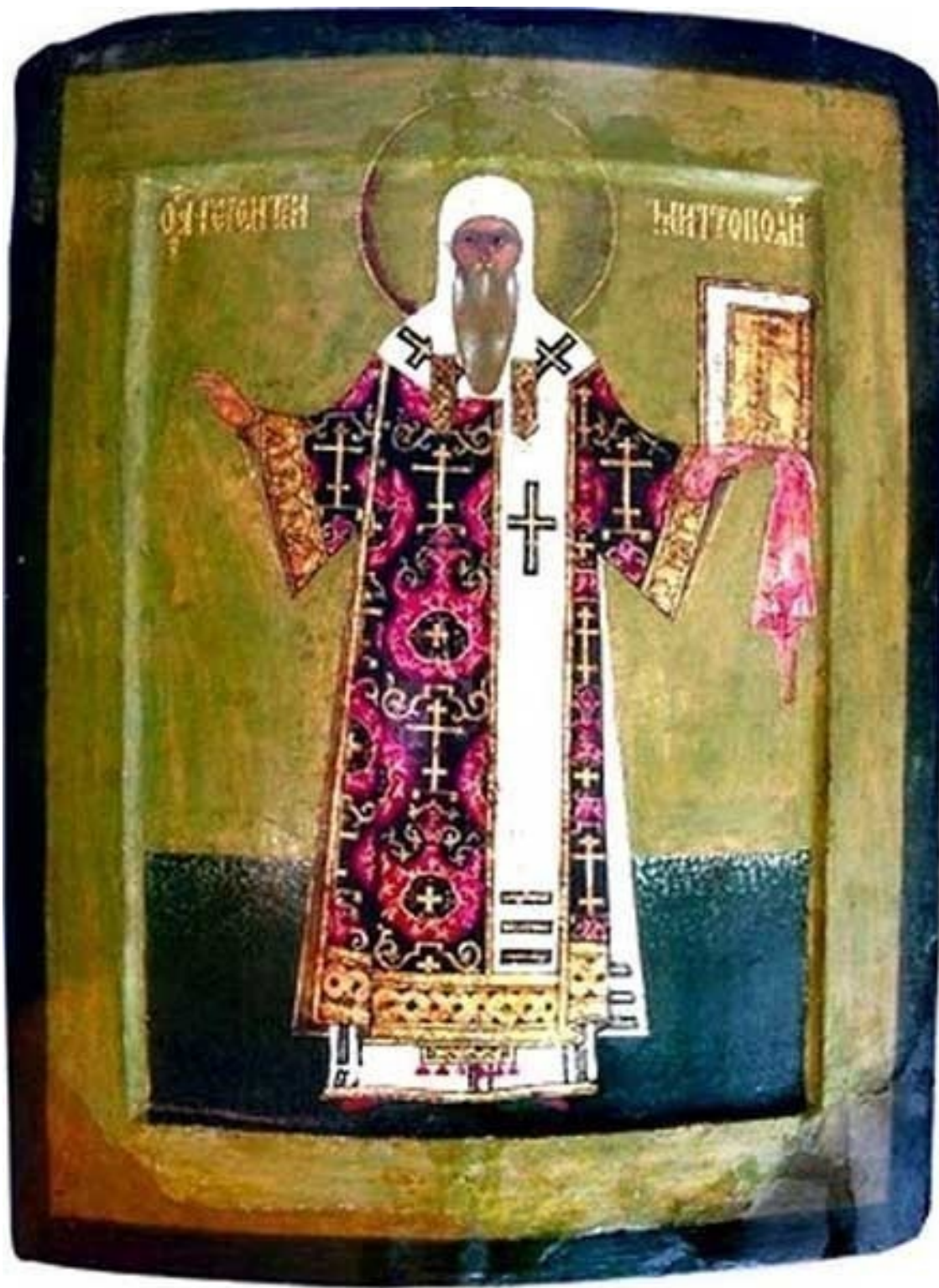
¹⁹ Стефан чел Маре.

Софья Палеолог не собиралась – она повела при дворе тайную борьбу за устранение препятствий её сыну на пути к московскому престолу. Видимо, в этом ей активно помогали некоторые церковные иерархи. А противостояло ближнее окружение великого князя – сторонники Ивана Молодого.

Конфликт второй.

Весной 1473 г. митрополитом Московским и всея Руси собор русских архиереев при участии великого князя и его братьев – удельных князей Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого избрал коломенского епископа Геронтия.

В 1479 г. венецианский архитектор Аристотель Фиораванти завершил строительство в московском кремле Успенского собора. В августе того же года митрополит Геронтий совершил чин торжественного освящения собора. В тот день и случился маленький скандал с большими последствиями.

Святитель Геронтий, митрополит Московский. Икона XVII в.

Ритуал освящения сопровождался крёстным ходом. Прямо по середине процессии недруги митрополита – духовник великого князя архиепископ Вассиан Рыло и архимандрит московского Чудова монастыря Геннадий Гонзов указали Ивану на то, что Геронтий ведёт крёстный ход вокруг собора противусолонь (против хода солнца, для современного человека – против хода часовой стрелки, т. е. лицом на встречу солнцу), а следовало вести его посолонь (по ходу солнца, для современного человека – по ходу часовой стрелки, т. е. идти

вместе с солнцем). Иван остановил ход и приказал Геронтию вести народ в обратную сторону. Митрополит отказался, ссылаясь на русскую и византийскую традицию, которую подтвердили присутствовавшие при споре паломники, только вернувшиеся с Афона. На доказательство верующих Иван III мог ответить только великокняжеской волей, но осерчал он при этом крепко. Заявив Геронтию, что из-за таких ошибок архиереев гнев Божий приходит на Русскую землю, Иван запретил митрополиту впредь освящать вновь построенные храмы Москвы.

Ссору временно прервало стояние на Угре. Но едва монголо-татарская опасность миновала, как раздор вспыхнул с новой силой. Ведь в городе велось большое строительство, а митрополиту запрещалось освящать новые храмы. Не помог даже состоявшийся в 1481 г. архиерейский собор, который поддержал Геронтия. Фактически архиереи в очередной раз подняли вопрос: кто главнее на Руси – великий князь или митрополит? И решили его в пользу митрополита. Конечно же Иван даже слышать не желал о постановлениях церковников.

Тогда Геронтий неожиданно удалился за город в Симонов монастырь и предупредил Ивана III, что оставит кафедру, если великий князь не «побьёт ему челом» и не перестанет принуждать его к хождению посолонь. Поскольку и в этот раз на сторону митрополита встали почти все архиереи, пришлось великому князю смириться и отступить – он послал к Геронтию на переговоры Ивана Молодого. Однако митрополит отказался вернуться, пока к нему не явится на поклон сам великий князь. Скрепя сердце Иван III пошёл на унижение ради мира в княжестве – он прибыл в Симонов монастырь, извинился и уговорил Геронтия вернуться, обещая впредь «по сыновнему» слушаться его²⁰.

Возвратившись в Москву митрополит задумал месть своим противникам. Первым ему подвернулся архимандрит Геннадий. В крещенский сочельник 1483 г. он разрешил монахам Чудова монастыря пить воду. Геронтий обвинил архимандрита в осквернении священной воды и добился от Ивана III выдачи преступника. Геннадия заковали в кандалы и бросили в ледник. Великий князь с трудом добился его освобождения, но сам затаил обиду.

1 ноября 1483 г. захворавший Геронтий уехал на излечение в любезный его сердцу Симонов монастырь. С собою он прихватил символ власти – митрополичий посох и ризницу – митрополичьи одеяния, церковную утварь и драгоценные камни. Без всех этих ритуальных предметов более никто не мог занять московскую митрополичью кафедру. Видимо, Геронтий рассчитывал таким образом принудить Ивана III вновь явиться к нему на поклон.

Случилось же нечто иное. Никто к митрополиту не приехал, а когда выздоровевший Геронтий вознамерился вернуться в столицу, по пути был схвачен ратниками великого князя и возвращён в монастырскую келью. Митрополит ещё «многажды убежал из монастыря и имаша его и тужи много по митрополии»²¹, но всякий раз был пойман и отвезён в Симонов монастырь. Иван III, ссылаясь на тяжкий недуг митрополита, намеревался возвести на митрополичью кафедру настоятеля Троице-Сергиева монастыря Паисия²². Старец Паисий и вёл переговоры между великим князем и митрополитом. Длились эти переговоры год и закончи-

²⁰ Таким образом, произошла русская, смягчённая версия поклонения в Каноссе 1077 г., когда император Священной Римской империи Генрих IV вымаливал прощение у папы римского Григория VII.

²¹ Шахматов А.А. О так называемой ростовской летописи. – М., Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1904

²² Паисий Ярославов при жизни был одним из самых почитаемых на Руси старцев. Многие годы он провёл в молитве и послушании в Кирилло-Белозерском монастыре. Призывал всегда поддерживать власть великого князя, как единственную защиту народа от врагов. Узнав об этом, Иван III с великим трудом уговорил Паисия стать игуменом Троице-Сергиева монастыря. Был он игуменом три года в 1479–1482 гг., потерпел неудачу – монахи даже хотели его убить. И не удивительно, ведь в Троице-Сергиев монастырь постригались преимущественно состарившиеся бояре и князья, которые не желали повиноваться какому-то нищему игумену. После ухода из Троице-Сергиева монастыря Паисий остался в почёте и у Ивана III, и в народе. Старец был учителем и старшим товарищем Нила Сорского.

лись ничем. Паисий же не захотел становиться митрополитом при живом архиерее. 1 ноября 1484 г. Иван III сдался и впустил Геронтия в Москву. Единственным условием этого возвращения стало возведение ненавистного митрополиту архимандрита Геннадия в сан архиепископа и назначение его на кафедру в Великий Новгород и Псков. Возведение это состоялось 12 декабря 1484 г. Даже в летописи попало предположение, будто Геннадий был так возведен за мзду – якобы за назначение он дал великому князю 2 тыс. рублей²³.

Конфликт третий.

На годы княжения Ивана III пришлось формирование двух религиозных течений в монашеской среде. Поначалу они разделились по представлениям о святости. В дальнейшем расхождения становились всё глубже и принципиальнее. В итоге это разделение оказало значительное влияние на судьбы русского народа. Именно оно во многом определило наше современное понимание национального характера русского народа в целом и каждого русского человека в отдельности.

Сторонники первого течения были уверены, что святость носит исключительно духовный характер. В миру они получили прозвание «нестяжатели» и призывали к отшельнической жизни, удалению от светских соблазнов и мирского общения. Монашеская жизнь, утверждали нестяжатели, «должна проходить в уединении, духовном самоуглублении и молчаливом созерцании. Церковь должна быть свободной от земельных владений, материальных и имущественных ценностей, а также от взаимодействия со светской властью, государством, мирской жизнью». От нестяжателей на Руси пошло такое выдающееся явление, как старчество, которое воспели в своих творениях Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др. русские писатели. Вождём нестяжателей при Иване III стал игумен Нил Сорский²⁴.

Сторонники второго течения настаивали на том, что «Церковь должна быть в тесной связи с действующей властью и всячески поддерживать её – морально, идеологически, политически, духовно. В свою очередь государство призвано укреплять положение церкви в обществе, её духовный, экономический, социальный статус, в том числе вкладами в монастыри и наделением земельными угодьями. Святость понималась не как личное самоусовершенствование и возвышение индивидуального религиозного духа, а как обрядовое благочестие, внешняя суровость и аскетизм». Вождём второго течения во времена Ивана III стал игумен Волоцкого монастыря Иосиф²⁵. От имени Иосифа Волоцкого приверженцы второго течения получили название «иосифляне».

²³ Шахматов А.А. О так называемой ростовской летописи. – М., Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1904

²⁴ Нил Сорский (в миру Николай Майков) родом был предположительно из крестьян. До пострижения зарабатывал на жизнь переписыванием книг. После пострижения двадцать лет был учеником старца Кирилло-Белозерского монастыря Паисия Ярославова. Затем отправился паломником в Византию, Палестину, на Афон, где стал убеждённым приверженцем исихазма – практики постоянной вдохновенной молитвы про себя (в уме) и контроля (трезвения) за собственными помыслами для духовного очищения. По возвращении на Русь основал скит на реке Сорке (ныне Нило-Сорская пустынь). Вокруг его скита собрались единомышленники. Нил стал их игуменом. Послушникам разрешалось иметь только книги и иконы. Любое другое имущество и ценности иметь запрещалось. Кормиться следовало от праведных трудов своего рукоделия. Запрещалось строить каменные здания, употреблять драгоценную утварь и т. д. Богослужение проводилось только в праздники, коими считались и воскресные дни. Строго запрещались: самоизнурение плоти, бесконечные молитвы и поклоны, любые лишения. Главным путём к святости считалось развитие собственного ума. Христианская любовь в понимании Сорского исключает всякое осуждение. Когда встал вопрос о ереси жидовствующих, нестяжатели предлагали раскаявшихся – прощать, а нераскаянных – отлучать от церкви и молиться за их души. Казнить и мучить последних не следовало.

²⁵ Иосиф Волоцкий (1439–1515) происходил из богатой семьи землевладельцев в удельном Волоцком княжестве, которое было вотчиной брата Ивана III – князя Бориса Волоцкого. В миру его звали Иван Санин. Монахом был и его брат – Ростовский архиепископ Вассиан Рыло. В 1479 г. Иосиф основал в Волоколамске, к северо-западу от Москвы, общежительный монастырь во имя Успения Божией Матери и стал его игуменом. Монахи должны были много трудиться, изнурять себя постом и ночным бдением, как можно больше молиться. Монастырь быстро разбогател и имел огромные земельные владения. Это давало возможность осуществлять щедрую благотворительность. В голодные годы монахи кормили до 600–700 человек в день и основали приют для 50 детишек. Игумен утверждал, что лично монах должен быть бедным, а вот

Философии нестяжателей и иосифлян положили начало разделению русского общества на его народное большинство и на противостоящую ему малую элитарно-властную группу. Разделение это, равно как и философии нестяжателей и иосифлян не изжиты по сей день. На рубеже XV–XVI вв. оба направления противостояли друг другу, причём противостояние это принимало всё более и более воинственный характер со стороны иосифлян. В отличие от нестяжателей, иосифляне фанатично тяготели к методам католической инквизиции и требовали выявления еретиков и сожжения их на костре по примеру испанской инквизиции. Нестяжатели, наоборот, призывали к умиротворению и прощению заблудших, за что многие из них и поплатились: иосифляне огульно объявили ряд нестяжателей тайными еретиками.

Великий князь первоначально поддержал нестяжателей, деятельность которых вела к передаче церковных богатств государственной казне, но со временем, осознав опасность их идей для всей верхушки московской власти, предпочёл перейти на сторону иосифлян.

* * *

Вот в таких условиях и поставил Иван III во главе Симонова монастыря – важнейшего оплота митрополита Геронтия своего человека – дьяка Зосиму. К тому времени дьяк уже показал себя приверженцем, даже теоретиком сильной великокняжеской власти, лично преданным Ивану III. Скорее всего, он либо входил в ближний круг великого князя, либо поддерживал с ним добрые отношения. Как бы там ни было, но поставление Зосимы игуменом Симонова монастыря лишило Геронтия возможности в очередной раз сбежать из столицы с митрополичьими регалиями.

* * *

Тем временем в начале 1485 г., сразу после Рождества, в Великий Новгород приехал архиепископ Геннадий. Горожане встретили его враждебно. За четыре года до того был арестован и вывезен в Москву последний местный архиепископ Новгородский Феофил. Через три года его силой заставили отречься от сана, а затем старец умер по неведомым причинам. Геннадий оказался вторым по счёту ставленником Москвы в Новгородской и Псковской епархии. Предшественника его архиепископа Сергия новгородцы за полгода так затравили и засмеяли, что бедняга, прикинувшись сумасшедшим, сбежал в Троице-Сергиев монастырь, где потом жил в покое и здравии ещё двадцать лет. Отдадим должное Геннадию – архиепископ не раскис, быстро и крепко взял духовное стадо в кулак и с усердием окормлял его следующие девятнадцать лет. Но чего это ему стоило!

монастырь – богатым, чтобы на полученные средства мог помогать нуждающимся. Когда в великокняжеской семье начались раздоры из-за Новгорода, Иосиф встал на сторону князя Бориса, отчего долго пребывал в немилости у Ивана III. Лишь со временем ему удалось получить милость государя. Иосиф Волоцкий написал знаменитую книгу против ереси жидовствующих – «Просветитель». Именно он убедил Ивана III в опасности этой ереси, призвав его: «Грешника и еретика руками убить или молитвою едино есть». Он отрицал возможность покаяния еретиков и требовал пожизненного заточения их в тюрьму. Иосифляне настаивали на введении в княжестве инквизиции наподобие «гишпанской».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.